

УДК 81'22: 81'42

ФУНКЦИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ КАК ЯЗЫКОВЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

А.Э. Гатина

Анализируются речевые жанры высказываний-реплик диалога как устойчивые стереотипные языковые формы (на примере драматического текста).

Ключевые слова: речевой жанр; речевая ситуация; интенция; тип коммуникативного поведения; стереотип; языковой стереотип; художественный дискурс.

FUNCTIONS OF SPEECH GENRES AS LANGUAGE STEREOTYPES IN BELLES-LETTRES DISCOURSE

A.E. Gatina

It regards the speech genres of utterances-remarks in a dialog as set stereotypical forms of language (on the basis of drama text).

Key words: speech genre; speech situation; intention; type of communicative behavior; stereotype; language stereotype; belles-lettres discourse.

Цель статьи – рассмотреть, как через реплики говорящего в потоке речевых ситуаций выявляется тип коммуникативного поведения субъекта и формируется образ *говорящего определенного типа, социально-психологический типаж субъекта коммуникации*.

Известно, что в теории речевых актов как речевые действия рассматриваются только те высказывания, которые оформляются при помощи перформативных глаголов 1 лица ед. числа, типа “*Прошу ...*”, “*Объявляю ...*”, “*Целую ваши ручки*”, “*Вот, брат, рекомендую!*”¹ и др. Такие речевые акты в русскоязычной лингвистической традиции относят к первичным речевым жанрам – вслед за М.М. Бахтиным, который определил речевые жанры как “устойчивые типы высказываний” в практической речи, например: *приветствие, благодарность, светская беседа, клятва, просьба* и проч. Первичные речевые жанры высказывания используются и во вторичных – художественных (в романе, рассказе и др.), т. е. в литературном дискурсе, который

тоже есть речевой диалог, но более глубокий, возникающий в процессе духовного взаимодействия автора и читателя через текст. Такое расширительное понимание речевого акта (действия) как речевого жанра – *устойчивого типа высказывания* – открывает путь для рассмотрения речевых высказываний в плоскости языковых стереотипов².

Любой стереотип есть некий сложившийся образ (“готовый” образ фрагмента мира: ситуации, события, людей определенной группы; либо это привычный образ мысли и суждений о ком-то или о чем-то). Например, об итальянцах мыслят как о чрезмерно эмоциональных людях, обо всех француженках – что они модницы, все испанцы считаются страстными и т. д. В русской ментальности отразилось, что всегда по одежке встречают, а по уму провожают, что лучше промолчать, чем сказать (молчание – золото) или что все бабы дуры, что жена сварливая, муж бесхребетный, а теща мешает жить и т. д. О ком-либо говорят: *живет как у Христа за*

¹ Перформативные глаголы не просто называют действие, но в процессе их произнесения осуществляется само действие, это слова-действия, слова-поступки [1].

² Слово *стереотип* сложено из двух греческих корней: *стерео* + *тип* в первоначальном значении “твердый, застывший, затвердевший” + “резкий удар, след от удара, след, отпечаток”, впоследствии у слова развилось значение “копия с типографского набора” [2, с. 219].

пазухой, как сыр в масле катается – подобные языковые обобщения могут закрепиться за человеком, но в действительности отражают правду жизни только отчасти. У. Липпман подчеркивал, что стереотипы создают редуцированный образ реальности, но при этом служат защитным механизмом от “ускользающей реальности” [2, с. 223].

Языковые стереотипы закрепляются в речи в виде формул, устойчивых сочетаний, воспроизводятся ad hoc, к случаю. Как отмечает Н.Г. Брагина, “стереотип опосредует миф в обыденное знание как составную часть само собой разумеющегося, здравого смысла... таким способом он [стереотип – А.Г.] легализуется, закрепляет свой статус и получает вербальное выражение в форме устойчивых и воспроизводимых фрагментов текста (клише, идиом, устойчивых словосочетаний и т. д.)” [3, с. 349]. Так, в комедии А.С. Грибоедова “Горе от ума” устойчивые выражения несут сложившееся знание, которое уже вросло в обыденное существование русского человека, а в данном художественном дискурсе “отмечают” проводников этого опыта в жизнь.

Например, крылатым выражением стала высказанная служанкой Лизой мудрость, вобравшая опыт простого человека на Руси:

Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь [4, с. 37].

Или вот принцип образованного передового человека, из господ:

Служить бы рад, прислуживаться тошно [4, с. 55].

Также, например, поговорки, пословицы:

Фамусов (Софье):

Ах! Матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

Читатель “переводит” этот языковой стереотип так: для состоятельного отца всегда важны словесные различия.

Или:

Лиза (Софье):
<...> ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва нехороша.

– прочитывается так: неважно, что отступаешь от моральных правил, главное – в глазах других людей выглядеть благопристойно.

Или:

Г.Н. (Г.Д.):
Не я сказал, другие говорят...

– истолковываем так: у кого нет ни имени, ни собственного мнения, лишь переносят пустые слухи.

Аналогична и реплика Фамусова: *Не я один, все также осуждают.*

2-ая княжна (Загорецкому): *Про это знает целый свет.* – Понимаем: злословие и пустословие разносятся быстро, особенно в “фамусовском обществе”.

В языке к стереотипам могут быть отнесены также и сложившаяся *манера речи* или *форма целого высказывания* для выражения какого-то “отвердевшего” знания, т. е. стиль и жанр речи. В языковом сознании людей форма речи прочно ассоциируется с определенным коммуникативным заданием, смысловым содержанием и определенной речевой ситуацией, которые в конкретном общении опознаются коммуникантами. Например, нередко можно услышать такие оценки, комментирующие чью-либо речь: *Ну вот, сел на любимого конька; Ну, понесло!* или: *Теперь будет нудить (гундеть)* и т. д., т. е. говорить в своей манере что-то уже неоднократно проговоренное.

В качестве языковых стереотипов можно рассматривать и сами речевые действия, и речевые жанры. Если речевую деятельность понимать как последовательность отдельных речевых действий субъекта, то можно, соответственно, оценивать его высказывания как поведение, отражающее общепринятые устойчивые нормы. Иными словами, в речи собеседников отражается сложившийся образ того, как надо и как не надо поступать в коммуникации. По сути, речевой поступок – это тоже стереотип, т. е. сложившийся тип поведения в определенной речевой ситуации (*вербальное приветствие при встрече, вербальная благодарность* в соответствии с типом ситуации и т. д.). Набор речевых устойчивых высказываний для каждой ситуации невелик, но их конкретный выбор “маркирует” поведение говорящего, тип собеседника и условия речевой ситуации.

Сравним, как по-разному герой *приветствует* разных лиц в типичной, стандартной ситуации “при встрече” (речевой жанр и речевое действие “приветствие”):

Фамусов (к Молчалину):
Что за оказия! Молчалин, ты, брат? <...>
И Софья! ... *Здравствуй, Софья, что ты?*
Так рано поднялась! а? для какой заботы?

(Запанибратское отношение к своему протеже и строгое – к дочери).

Лиза (Фамусову): *Ах, барин!*
Фамусов: *Барин, да.*

(Фамильярность и заигрывание со служанкой.)

Фамусов (Чацкому): *А! Александр Андреич, просим, Садитесь-ка.*

(Выражение почтительности к гостю.)

Фамусов (Скалозубу): *Сергей Сергеич, запоздали; А мы вас ждали, ждали, ждали.*

(Низкопоклонство перед полковником, предполагаемым зятем).

Или:

Чацкий (София): *Чуть свет – уж на ногах! И я у ваших ног.*

Ну поцелуйте же, не ждали? Говорите! <...>
И вот за подвиги награда!

(Радостное приветствие своей пассии.)

София: *Ах! Чацкий, я вам рада.*

(От неожиданности, подчеркнуто уважительное приветствие близко знакомого человека.)

Сам факт автоматизации практической речи, ее “шаблонизация”, о которой писал в свое время Л. Якубинский, позволяет рассматривать различные речевые жанры (устойчивые типы высказываний) как языковые стереотипы.

Однако, вообще говоря, в речевой ситуации любая реплика диалога (не только первичные речевые жанры) служит выразителем дополнительных смыслов, в частности например, о самой речевой ситуации, о намерениях говорящего, о его настроении, а также отражает скрытые метаязыковые значения¹. Кроме того, из высказываний говорящего коммуниканты могут делать заключение о темпераменте собеседника, о его личностных качествах, о его обычном поведении и о возможных его поступках, даже если об этом не шло речи. Любой участник речевого общения может определить социально-психологический тип своего собеседника.

Ср., как Фамусов по речи Чацкого делает вывод:

– (Про себя) *Уж втянет он меня в беду.* (Громко.) Сергей Сергеич, я пойду и буду ждать вас в кабинете. (Уходит.) [4, с. 66].

Каждая реплика говорящего в потоке коммуникации выступает и воспринимается участниками общения как целенаправленный речевой поступок, обусловленный коммуникативной ситуацией и закрепленный в общественном сознании в качестве нормативного или непринятого в данном коллективе поведения говорящего субъекта в дискурсе.

Рассмотрим пример диалога:

“Загорецкий: На завтрашний спектакль имеете билет?

София: Нет.

Загорецкий:

¹ То есть “знания” о правилах использования языка именно в данной речевой ситуации [5].

Позвольте вам вручить, *напрасно бы кто взялся Другой вам услужить, зато куда я ни кидался!*

В контору – все взято,
К директору, – он мне приятель, –
С зарей в шестом часу, и кстати ль! <...>

София:

*Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое”* [4, с. 92].

Вот пример *лести* одного участника, его *угодничества* и одновременно *выпячивания своей значимости* и, с другой стороны, формально *одобрительный ответ* (выражение благодарности), но по существу – выражение *презрения* к льстецу, а значит, неприятие и *неодобрение* чрезмерной услужливости (*А за старанье вдвое*).

Выявленное коммуникативное намерение высказываний говорящего подсказывает собеседнику *тип поведения в данной ситуации*: он оценивает ситуацию, соотносит ее со сложившимися представлениями о норме поведения, а затем соответствующим образом реагирует своим высказыванием (в той или иной форме) на речевой поступок собеседника. Следовательно, речевой жанр и речевая ситуация отображают в языковом сознании *сложившийся образ говорящего* или его собеседника. Ср.:

Молчалин: *Не смею моего суждения произнести.*

Чацкий: Зачем же так секретно?

Молчалин: В мои лета *не должно сметь*

Свое суждение иметь.

Чацкий: Помилуйте, *мы с вами не ребята,*
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин: Ведь *надобно ж зависеть* от других.

Чацкий: Зачем же *надобно?*

Молчалин: *В чинах мы небольших.*

Чацкий: С такими чувствами, с такой душою

Любим!... *Обманщица смеялась надо мною!* [4, с. 84]

Чацкий из речи собеседника выясняет, что тот за человек. И удивляется, не верит, чтобы образованная София полюбила молодого человека с такими привычками и установками в жизни, какие озвучивает Молчалин, – осторожность, самоуничтожение, чинопочитание и расчетливость (*Не смею; не должно сметь; надобно ж зависеть; В чинах мы небольших*). В репликах-вопросах Чацкого звучит несогласие (*Помилуйте, мы с вами не ребята...*) и насмешка, которую Молчалин не замечает.

В русском языке отражены и зафиксированы различные образы говорящего, характеризующие его по поведению в речевой коммуникации. Например: *балабол, балбес, болтун, ботаник, выскочка, говорун, горлопан, добряк, жизнелюб, забияка, заводила, задавака, задира, зазнайка, зануда, застрельщик, защитник, злыдня, злюка, знайка, иде-*

алист, клеветник, конформист, конъюнктуристик, критикан, лгун, лжец, лидер, лизоблюд, лицемер, лузер, меланхолик, ментор, мизантроп, молчун, невежа, нигилист, нытик, нюня, обличитель, обманщик, оптимист, оппозиционер, оппортунист, отступник, остряк, певун, пересмешистик, пессимист, плакса, подлиза, подстрекатель, подхалим, правдолюб, простофиля, пустобрех, пустомеля, резонер, романтик, сказочник, скандалист, сквернослов, скептик, склочник, скоморох, советчик, соглашатель, сплетник, тихоня, тихушник, тугодум, тупица, умник, флегма, фантазер, фразер, хам, хвастун, хохотушка, циник, шут и др.

Эти и подобные им лексемы можно определить как семантическую группу слов, обозначающих социально-психологические типы субъектов коммуникации (типажи). Все типы поведения **выявляются в речи по тем речевым жанрам – высказываниям**, которые прочно ассоциируются с данными образами. А в художественном тексте такие **высказывания-стереотипы** используются для того, чтобы обозначить тип персонажа.

Например, кто он, Чацкий? – *Нигилист? Критикан? Обличитель? Резонер? Остряк? Пересмешистик? Правдолюб? Идеалист?*

Проследим линию коммуникативных отношений: Чацкий – Софья.

При **встрече** с Софией, которую Чацкий считал своей возлюбленной, он говорит ей с укоризной (речевой жанр “упрек”):

Ни на волос любви! *Куда как хороши! <...>. И вот за подвиги награда!* [4, с. 47].

Далее:

Однако искренно *кто ж радуется эдак?* – в форме косвенного речевого жанра вопроса выражение **сомнения** в искренности.

Далее:

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! – **согласие**, допущение и **оценочное** суждение.

Не влюблены ли вы? *прошу* мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться. – **Просьба** о признании.

Опять увидеть их мне суждено судьбой!

Жить с ними надоест, *и в ком не сыщешь пятен?* – непрямо выраженное **снискходительности, уступки**, смирения с ситуацией в форме риторического вопроса.

Когда ж постранствуешь, воротись домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен! – **признание** в радости от встречи.

Из приведенных высказываний в форме признания, упрека, уступки, просьбы, согласия, со-

мнения складывается образ говорящего как довольно либерального, прекраснодушного человека, добряка.

Но вот ряд **расспросов**:

Ну что ваш батюшка?...

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?...

А наши солнышко?... Певец зимой погоды летней...

А тетушка?...

Что нынче, *так же, как издревле*,

Хлопочут набирать учителей полки;

Числом поболее, ценою подешевле? [4, с. 49].

Здесь нынче тон каков?

На съездах на больших по праздникам приходским

Господствует смешенье языков:

Французского с нижегородским?

... без этого нельзя ж.

Это обычные **вопросы-расспросы при встрече**, они эмоционально наполнены или сопровождаются критической **оценкой**. Говорящий посмеивается над привычками людей в московском салонном свете. Тональность общения характеризует такого говорящего как иронизирующего **пересмешистика**.

Сравним, как о нем отзывается Софья:

“Он славно

Пересмеять умет всех,

Болтает, шутит, мне забавно;

Делить со всяким можно смех <...> – непрямо **утверждение**, выражающее **недоверие**.

Охота странствовать напала на него,

Ах! если любит кто кого,

Зачем ума искать и ездить так далеко?” – Косвенный речевой жанр **вопроса**, выражающего **неодобрение, несогласие**.

Софья:

Случалось ли, *чтоб вы, смеясь?* Или в печали?

Ошибкою? *Добро о ком-нибудь сказали?* – **вопрос**, косвенно выражающий **раздражение** речевым поведением Чацкого.

Чацкий:

И все-таки *я вас без памяти люблю* <...>

Велите ж мне в огонь: *пойду как на обед*. – Слова клятвенного **признания**.

Софья: *Да, хорошо – сгорите, если ж нет?* – В таком дерзком ответе на любовное признание слышится **отказ**.

Таким образом, Софья не видит в Чацком возлюбленного: он острый на язык, а смех для нее – не то качество, которым прельщают девушек:

Веселость ваша не скромна,

У вас тотчас уж острота готова... [4, с. 76];

Заметно, что вы желчь на всех излить готовы... [4, с. 77];

... Не человек, змея!.. [4, с. 50].

Все время, общаясь с Софьей, Чацкий выражает **удивление**:

Ах! Боже мой! *Неужли* я из тех,
Которым цель всей жизни смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю [4, с. 78].

Для него смех – естественный способ общения с людьми, которые “застоялись” в своем барском салонном мире, которых не изменило время.

Если проанализировать реплики главного героя Чацкого с точки зрения того, какие речевые жанры высказываний преобладают в его речевом поведении, то оказывается, что, с одной стороны, он воплощает собой стереотипный образ обличителя, тип недовольного всем критикана¹. Его суждения отрицательно-**оценочные**, его речь эмоциональна, состоит из риторических **вопросов**, высказываний-**возражений**, высказываний-**протестов**. Ср.:

Чацкий:

Дома новы, но *предрассудки стары*.

Порадуйтесь, не истребят

Ни годы их, ни моды, ни пожары. <...>

А судьбы кто? <...>

Где, укажите нам, *отечества отцы*,

Которых мы должны принять за образцы? <...>

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

Чтоб умный бодрый наш народ

Хотя по языку нас не считал за немцев. <...>

Поверили глупцы, другим передают,

Старухи вмиг тревогу бьют –

И вот общественное мнение! <...>

Молчалины *блаженствуют* на свете! <...>

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей –

Высокий идеал московских всех мужей. –

Довольно!... с вами я горжусь моим разрывом.
<...> др.

Но это лежит на поверхности. С другой стороны, перед нами раскрывается *человек-романтик, правдолюб и мечтатель*, искавший любовь и родственную душу в родных краях, но испытывавший лишь глубокое разочарование при встрече с хорошо ему знакомым московским светом и отвергнувшей его возлюбленной:

Слепец! Я в ком искал награду всех трудов!

Спешил!.. летел, дрожал! *Вот счастье, думал, близко.* <...>

А вы! О боже мой! Кого себе избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли! [4, с. 127].

¹ А.С. Грибоедова самого назвали желчным, “уксусным брожением” своего времени, сравнивая его с Пушкиным и Лермонтовым [6, с. 5].

– *Мечтанья с глаз долой* – и спала пелена; <...>

С кем был! Куда меня закинула судьба! [4, с. 129].

Это эмоциональные высказывания – оценочные восклицания, констатация случившегося, **оценка эмоционального состояния** в форме **утверждений**:

Ну вот и день прошел, и с ним

Все *призраки, весь чад и дым*

Надежд, которые мне душу наполняли. <...>

... куда ни взглянешь,

Все та же гладь и степь, и пусто и мертво!..

Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.
[4, с. 110].

<...> ... пойду искать по свету,

Где оскорбленному есть чувству уголок!... [4, с. 129].

Да, мочи нет: мильон терзаний

Груди от дружеских тисков <...>

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,

И в многолюдстве я потерян сам не свой.

Нет, *недоволен* я Москвой [4, с. 107].

Как видим, со стороны, в глазах других участников общения, Чацкий – возмутитель спокойствия, насмешник, обличитель. Однако в душе он не бунтарь, а, скорее, мечтатель и романтик, разочарованный странник.

Таким образом, анализируя высказывания как стереотипные формы – речевые жанры, несущие определенную интенцию в соответствующей речевой ситуации, можно охарактеризовать и тип говорящего, использующего эту речевую форму в коммуникации. В способности речевых жанров маркировать образ говорящего как определенный “готовый” образ состоит их основная функция в качестве языковых стереотипов в дискурсе.

Литература

1. *Остин Дж.Л.* Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986.
2. *Ромашко С.А.* Стереотип: к языковой и культурной археологии слова и понятия С.А. Ромашко // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей. М., 2009. С. 215–226.
3. *Брагина Н.Г.* Мифология стереотипа и обыденное знание / Н.Г. Брагина // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей. М., 2009. С. 348–356.
4. *Грибоедов А.С.* Горе от ума // Сочинения / А.С. Грибоедов. М.: Худож. лит., 1988. С. 33–131.
5. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: теория речевых актов. Вып. XVII. М., 1986. С. 170–196.
6. *Тынянов Ю.* Смерть Вазир-Мухтара / Ю. Тынянов. М.: Худож. лит., 1988.